

А. Е.
ЗАРИН

Живой мертвец

Андрей Зарин
Живой мертвец

«Public Domain»

1915

Зарин А. Е.

Живой мертвец / А. Е. Зарин — «Public Domain», 1915

Герой романа, волею судеб оказывается в непредвиденных и порой безвыходных положениях: офицер армии Павла I едва не лишается имени, богатства, невесты, став жертвой мести своего брата.

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	13
V	16
VI	19
VII	22
VIII	25
IX	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Зарин Андрей Ефимович

Живой мертвец

I

Перед грозой

28 апреля 1798 года вся Москва была охвачена волнением. Император Павел проездом в Казань остановился в Москве, и не только власть имущие, не только полицейские и иные чины, но даже простые обыватели пребывали в страхе.

«Мало ли что приключиться может? Слышь, государь до всего доходит. В одежде ли какая неисправность, в запряжке, поклониться не успеешь – ан! и пойдешь, куда неведомо!» – И каждый пугливо озирался по сторонам, вспоминая рассказы про ту или иную выходку императора.

Но если дрожали простые обыватели и чины гражданские, то в местном войске была буквально паника. Император назначил смотр на следующий день, и все от малого солдата до самого Архарова были в волнении.

Иван Петрович Архаров, по протекции своего брата, петербургского генерал – губернатора Николая Петровича, назначенный в Москву вторым военным губернатором, был вовсе не военный человек и теперь трепетал. Раз десять он призывал к себе своего помощника, пруссака Гессе, и тревожно спрашивал его:

– Ну что, Густав Карлович, как? А? Не выдадут?

Длинный и сухой, как жердь, с серыми бесстрастными глазами, полковник Гессе качал маленькой головой и говорил:

– Никак нет! Наш не выдаст! О, я их так муштриль!..

– Да, да! Наш-то я знаю. А другие?

– Другой тоже! Я всем говорил!..

– Постарайся, Густав Карлович! Слышь, не в духе государь нынче.

Гессе уходил, а спустя час Архаров гнал за ним вестового и говорил опять то же самое. Гессе, в свою очередь, объезжал полковых командиров и вселял в них страх и трепет своим зловещим видом.

– И потом, – оканчивал он свои предупреждения у каждого командира, – государь не в своем духе сегодня!

Этих слов достаточно было, чтобы внушить трепет.

Государь не в духе! Это значит, что старый полковник может в одну минуту стать рядовым, а послезавтра быть уже по дороге в Сибирь. Такие примеры бывали.

И полковые командиры, собрав офицеров, нагоняли на них страх, а те, в свою очередь, пугали солдат, последние же превращались буквально в мучеников.

Весь день по всем казармам шло строевое учение. Шеренга солдат вытягивала ногу и стояла недвижно, а поседевший на службе какой-нибудь капитан, присев на корточки, внимательно высматривал, на одной ли высоте все солдатские подошвы. По десять раз делались ружейные артикулы, и капитан чутким ухом прислушивался: ладно ли звенят все ружейные части, которые для большого звона приказывали слегка развинчивать. Поручики внимательно следили, все ли пригнали к месту, все ли вычищено, выбелено, все ли блестит, потому что зоркий глаз императора высматривал иногда самый ничтожный пустяк, и из-за него гибла карьера молодых поручиков.

В казармах Нижегородского драгунского полка происходило то же, что и в других. На дворе шло ученье, в казармах спешно готовили амуницию, собравшиеся в кордегардии офицеры тревожно беседовали между собой.

Статный красивый офицер Ермолин с хвастливостью произнес:

– Я много слышал про государя. С ним нужна только смелость. Я не боюсь, что назначен ординарцем.

– Ну, смелость смелостью, но и счастье надобно, – сказал маленький, худощавый офицер, – вон в Петербурге Ермилов из Семеновского полка...

– Знаю! – перебил брюнет. – Такой видный малый. Что же с ним?

– А в рядовых теперь!

– Как так? – воскликнуло несколько голосов.

– А очень просто. Назначен был вахт – парад. В январе было. Мороз – смерть. Ермилов вздумал отличиться и без перчаток пошел. Ну, государь сразу заметил. Улыбнулся и говорит: «Молодец, поручик!». Тот гаркнул: «Рад стараться!» – и пошел. Идет, ногу выпрямляет, подошвой шаг выбивает, любо! Государь опять отличил: «Похвально, – говорит, – капитан!». Ермилов опять: «Рад стараться!» – и пуце старается. Государь еще похвалил. «Благодарю, – говорит, – майор!». Бог знает, может, Ермилов в этот день до генерала дошел бы, только вдруг как споткнется он, да плашмя на землю! Государь сразу: «Негодяй! Неуч! В рядовые! Из строя вон!». Вот тебе и генерал.

Все кругом засмеялись, но вместе с тем каждому стало словно не по себе. Старый капитан вздохнул и покачал головой.

– Да, тяжелые времена пришли! – сказал он. – При матушке царице того не было. Нынче больше в ногах правды, нежели в головах! Пойду снова солдатушек муштровать!

Он ушел, а на смену ему вошел новый офицер. Невысокого роста, с угрюмым и злым лицом, он казался пожилым, несмотря на свои тридцать восемь лет.

– А, Брыков! – окликнул его красавец Ермолин. – Ну, как твой брат?

Тот взглянул на него исподлобья и ответил резко, отрывисто:

– Умер! Утром приехал с вотчины староста. Горячка одолела и умер.

– Царство ему небесное! – перекрестились несколько офицеров.

– Так ты теперь богач, стало быть? – сказал тот же Ермолин.

– Стало быть, – сухо отрезал Брыков и вышел из комнаты.

– Жмот! – вслед ему произнес Ермолин. Его слова подхватили другие офицеры.

– Действительно, этот – не то, что брат!

– Тот офицер был! Душа нараспашку! А этот!..

– Этому ростовщиком бы быть!

– А жаль Семена!

– Он, кажется, и жениться хотел?

– Как же? Девица Федулова... на Дмитровке...

В кордегарию вдруг влетел шеф полка. Толстый, огромный, красный от волнения, он стал кричать сильным голосом:

– Господа офицеры, что же это? Или завтра шутки у нас? За всем доглядеть, а вы – вот! с разговорами? Прошу в эскадроны!..

Офицеры нехотя побрели по своим эскадронам. В казармах шла работа. Время близилось уже к ночи, но никто и не думал спать. Смотр был назначен к шести часам утра, значит, в строю всем необходимо быть с пяти, а до того времени причесаться да одеться еще надо.

В одной обширной казарме солдат причесывали. Они сидели на скамьях, завернутые в холщовые простыни, и по рядам их торопливо бегали два полковых парикмахера. Длинные волосы, обильно смазанные салом, заплетались в косицу; в нее вплетали железную проволоку, которую потом загибали полукругом кверху, и тогда к концу косицы прикрепляли связь в виде

кошелька. На голову надевали железный обруч с привязанными к нему буклями из пакли и затем всю эту куафюру пудрили.

Один парикмахер бегал с ковшом кваса и, набрав кваса в рот, прыскал им на голову солдата; другой тотчас на мокрую голову щедро сыпал муку, а солдат все время сидел неподвижно. Эта операция повторялась три – четыре раза, и наконец на голове солдата образовывалась толстая кора белого клейстера. Его отпускали, но с этой прической он не смел спать: во – первых, и спать было неудобно; во – вторых, такая прическа представляла столь заманчивое блюдо для крыс, что, случалось нередко, уснувший солдат просыпался с отъеденной косицей.

От парикмахера солдат гнали надевать лосины. Это было тоже своего рода мучением. Смоченную кожу солдаты натягивали на ноги, а затем становились вдоль стен казармы, выпрямив ноги, и стояли до тех пор, пока кожа не высыхала на их ногах, плотно обтянув каждый мускул. После этого они уже облакались в мундиры.

Брыков прошел в свой эскадрон, где был поручиком, и, осматривая солдат, не без тайной радости думал, что теперь, со смертью своего двоюродного брата, он действительно стал богатым человеком. Теперь конец всяким издевкам да насмешкам товарищей. Теперь он все может: захочет в карты играть, или коня купить, или прелестницей обзавестись – он все может! Только таким дураком он не будет. Нет! Деньгам моасно найти применение и получше.

И он тихо засмеялся своим думам.

Все его! И Маня теперь его будет! Пусть не любит: отец все равно силком заставит.

И при мысли о Мане Брыков забыл все: и предстоявший парад, и императора Павла. Ему мерещились богатство, покой, почести и красавица Маша, которую он любил всей своей необузданной натурой, несмотря на то что она была невестой его брата.

II Гроза

Император был не в духе. Всю дорогу от Петербурга до Москвы он ни в чем не встречал для себя приятного. Всюду, где ни останавливался, он видел только непонятные ему страх и трепет. Желая ехать тихо и скромно, на всем пути он был оглушаем криками согнанного, перепуганного народа. Он понимал, что не в меру ретивые слуги стараются угодить ему, и выходил из себя, с досадой думая, что нет никого вокруг, кто понял бы его. И так было до самой Москвы. Под Москвой его встретил старый Долгорукий, и – то же подобострастие. Об Архарове же и говорить нечего: брат Николая!

Государь проснулся мрачный, нахмуренный, несмотря на ясное апрельское утро.

– Посмотрим, каковы они на учении, – сказал он Кутайсову, который, хотя и имел графский титул и звание оберштаймейстера, продолжал брить государя, находясь при нем безотлучно.

Кутайсов слабо усмехнулся.

– Надо думать, и тут, государь, мало успешности, ибо не отвыкли еще от прежней воли!

– Воли! – вскрикнул Павел. – В военной службе, сударь мой, нет этого слова! Я им покажу сегодня! Да! Они, кажется, все живут здесь очень уже барственно!.. Пора! – сказал он встал.

Было пять часов утра, когда он вышел из своих покоев и, окруженный свитой, поехал на Девичье поле.

В Москве стояло в то время до тридцати тысяч войска, и теперь выстроенные в правильные ряды тридцать тысяч человек дрожали за свою участь.

В зеленом сюртуке с белым отворотом, в треуголке и лосинах, с тростью в руке, император курц – галопом приблизился к войскам. Оркестр заиграл гимн «Коль славен», знамена опустились.

Император поехал по рядам, и раскатистое « ура » понеслось от края до края. Солдаты стояли недвижно и « ели », государя глазами.

Лицо императора начало проясняться, как вдруг его взгляд упал на одного офицера, и он разом осадил лошадь.

– Это что у вас, сударь? – резким голосом проговорил он, указывая тростью на мундир.

Молодой офицер побледнел и молча глядел на государя, не понимая своей вины.

– Это что? – уже грознее повторил государь, ткнув его в грудь тростью.

Офицер взглянул и застыл: на отвороте мундира бессильно, на одной нитке, болталась пуговица.

– За... за... – начал офицер, но государь перебил его, резко сказав:

– На царский смотр в таком виде! Что же ваши солдаты? Под арест, сударь, под арест!

Несчастный офицер увидел, как сверкнул на него гневом взгляд шефа полка, и почувствовал себя совершенно потерянным.

Государь уже отъехал в сторону и подал знак. Ряды полков один за другим проходили мимо него, напрягая все свои силы и все внимание, чтобы угодить царю. Это была трудная задача.

В то время маршировали журавлиным шагом: рраз! – и правая нога, вытянутая прямо, не сгибаясь выносилась вверх. Солдат вытягивал ее так, чтобы подошва ноги была параллельна земле, и в таком положении держал неподвижно ногу. Ревностные фронтовики следили, чтобы поднятые ноги всего ряда представляли собой неподвижную линию. Два! – и нога должна была разом всей подошвой ударить по земле. Очевидно, при такой муштровке всегда можно к чему-либо придраться, и на государя в этот злополучный день угодить было трудно.

Наказанный офицер, чувствуя всю несправедливость выговора, шел с правого фланга своей роты взволнованный и возбужденный. Государь еще издали заметил его и нахмурился. Офицер насторожился. Солдаты поняли, что им надо отличиться, и удвоили свое внимание. Раз, два! – отбивали они шаги, приближаясь к государю.

Он гневно замахал тростью и закричал:

– Скверно!

– Хорошо, ребята! – звонким голосом выкрикнул офицер.

– Скверно! – еще громче крикнул изумленный Павел.

– Хорошо, ребята! – в свою очередь крикнул офицер и прошел мимо государя, четко и быстро отсалютовал ему.

Государь гневно обернулся к Архарову:

– Кто такой?

– Поручик Башилов! – с трепетом ответил Архаров.

– Позвать!

В это время приближался Нижегородский полк. Выдвинувшись вперед, Ермолин подскочил к государю и, ловко осадив коня, стал рапортовать: столько-то налицо, столько-то отсутствуют.

– Поручик Брыков, из второго эскадрона, выбыл за смертью...

– Верно, нерадив был? – сказал Павел.

– Никак нет! – ответил растерявшийся Ермолин и поправился: – Виноват!

– Дурак! – отрезал Павел.

Сконфуженный Ермолин отъехал в ряды его свиты, а драгуны стройно стали проезжать мимо царя. Но ему все не нравилось.

– Скверно, скверно! – бормотал он вполголоса и нетерпеливо отмахивался тростью.

Парад окончился. Павел зорко оглянулся и, увидев провинившегося офицера, вспыхнул.

– Вы, вы, поручик! – закричал он, наскакывая на Башилова. – Почему вы говорили «хорошо», когда все было скверно? А?

Башилов сознавал свою погибель, и отчаяние охватило его.

– Если бы я не поддержал солдат, они совсем спутались бы от слов вашего величества, а мне и то за пуговицу солоно будет! – смело ответил он.

Лицо Павла сразу приняло спокойное выражение.

– Верно! – сказал он. – Ну, я тебя за пуговицу прощаю, капитан! – И, повернув коня, он поскакал с поля.

Башилов стоял как столб и не верил своим ушам. Он ждал уже ссылки, и вдруг произведен через чин.

– Ура! – вдруг заорал он и бегом бросился к своей роте.

Государь оставался в скверном настроении.

– Не терплю Москвы, – говорил он своим приближенным, – скорее вон из нее!

Против своего желания он появился на бале, который давало местное дворянство в честь его приезда. Стоя у одной из колонн, он рассеянно смотрел на танцующих, как вдруг его взгляд прояснился и на губах появилась улыбка.

– Узнай, кто это! – тихо сказал он Обрезкову, своему личному секретарю.

Тот взглянул по направлению царского взгляда и увидел пышную молодую красавицу. Ей было лет девятнадцать. Высокая ростом, с алебастровыми шеей и плечами, со свежим невинным лицом, она являла собою тип русской красоты.

Обрезков наклонился к Архарову и спросил:

– Кто это?

– Это? – Архаров улыбнулся. – Первая наша красавица, Аня Лопухина, дочь Петра Васильевича.

– Государь хочет беседовать с нею, – шепнул Обрезков.

Архаров суетливо скользнул из свиты. На той стороне зала произошло легкое смятение. Девушка вдруг вспыхнула, а через минуту, низко приседая перед государем, смело глядела на него ясными детскими глазами.

Государь ласково улыбнулся ей, но сказал с обычной резкостью:

– Вы самая красивая из всех московских красавиц.

Лопухина покраснела и стала еще милее.

– Взгляда вашего величества довольно, чтобы дурнушку обратить в красавицу, – робко сказала она.

– Ого! Вы и придворная дама! – засмеялся государь и прибавил: – Это уже недостаток!

– Но я счастлива, что все же вызвала улыбку на лице своего государя, – тихо сказала она. Лицо государя омрачилось.

– Меня никто не понимает и все раздражают, – сказал он, – я недоволен Москвой.

Окружающие отошли в сторону. Государь говорил с молодой Лопухиной, и дурное настроение его исчезало и таяло. Целомудренному и мечтательному, с нежной душой, государю эта девушка казалась неземным созданием. Ее глаза, полные наивной прелести, отражали в себе небо, а голос звучал как музыка.

– Вы должны жить в Петербурге, – сказал он ей на прощание.

– Как угодно будет вашему величеству.

Карьера Лопухиных была сделана.

Государь послал на другой день Обрезкова к Лопухину с приказанием к его возвращению из Казани быть с семьей в Петербурге. Лопухин получил место сенатора с увеличенным окладом, его сын был назначен флигель – адъютантом, и, понятно, Лопухин не посмел отказаться от таких милостей.

Государь выехал из Москвы, примиренный с городом, а вся знать тотчас устремила к дому Лопухиных приветствовать царских фаворитов.

– Ну, пронесло! – с чувством облегчения говорил добродушный Архаров. – Спасибо Анюточке. Не будь ее, хоть могилу рой!..

III Злодей

Если высшие чины были озабочены настроением императора, то младшим чинам до этого было мало дела. Отбыли мучительные часы парада, пережили немалые страхи – и баста! Большинство едва довело своих людей до казарм, как устремилось по домам, чтобы уснуть хорошенько от трудов и пережитых волнений.

Радостный Башилов говорил всем встречным офицерам: «К вечеру ко мне, сударь! На радостях такой пир устрою!» – и подмигивал товарищам, знавшим его как веселого малого.

Ермолин тоже звал к себе на вечеринку.

– Всего» дураком» отделался, – хвастался он.

– Ты приедешь? – спросил он Брыкова.

Но тот только пожал плечами.

– Пусть он поплачет по брату, – с насмешкой сказал один из офицеров, – все же наследство получит!

Брыков сверкнул на него злыми глазами и поспешил домой. Он жил в небольшом домике на Москве – реке, состоявшем всего из четырех крохотных каморок. Он вошел, торопливо разделся при помощи денщика и, завернувшись в халат, угрюмо сказал солдату:

– Дай трубку и позови Еремея!

Денщик поспешно сунул ему длинный чубук в руки, присел на корточки, приложил зажженную бумажку и потом стал раздувать огонь, отчего его щеки надулись и покраснели.

Брыков нетерпеливо пыхнул ему в лицо дымом и крикнул:

– Ну, ну! Довольно! Зови Еремея!

Денщик бросился из комнаты, словно испуганный заяц.

Брыков сел плотнее в жесткое кресло, стоявшее у окна, и задумался.

Когда человек, зная, что никто за ним не следит, отдается своим мыслям, тогда его лицо без всякого притворства выдает весь его характер, и если бы теперь кто-либо взглянул на поручика Нижегородского драгунского полка Дмитрия Власьевича Брыкова, то вздрогнул бы от чувства омерзения. Брыков был противен. Его четырехугольная голова с короткими, жесткими волосами, низкий лоб и глубоко ушедшие в орбиты маленькие злые глазки, его выдающиеся скулы, широкий нос и узкие губы – все изобличало в нем низкий и жестокий характер. Он сидел, сдвинув густые брови, и искривил улыбкой тонкие губы, забыв обо всем окружающем.

Вдруг подле него раздался легкий кашель. Брыков вздрогнул, поднял голову и увидел Еремея, дворового человека своего скоропостижно умершего брата.

Этот Еремей был совершенно под стать Брыкову, только его лицо, грубое и зверское, выражало более наглости, нежели лукавства. Он поклонился Брыкову и переминался с ноги на ногу.

Брыков кивнул ему и сказал:

– Посмотри, нет ли кого около!

– Кому быть-то? – ответил Еремей. – Петр коня чистит, а Федька без задних ног – опять пьян.

Брыков вздохнул с облегчением и, подозвав к себе Еремея, тихо сказал ему:

– Расскажи мне снова, как умер Семен Павлович?

– Чего рассказывать-то? – сказал Еремей. – Я уже говорил. Как подмешал ему порошка, что вы дали...

– Тсс... – испуганно остановил его Брыков. Еремей пугливо оглянулся и заговорил совсем тихо:

– Он выпил так, к примеру, в обед, а к вечеру и занедужил. Кричит, катается, изо рта пена так и валит. «Лекарь-то где?». Лекарь далеко! – Он усмехнулся. – Ну, кричал, кричал он и затих. А я, значит, на коня и к вашей чести!..

Наступило молчание.

– А если он не умер? – вдруг спросил Брыков. – Ежели лекарь поспеет? Ты весь порошок засыпал?

– Без остатка. А что до лекаря – не поспеть ему! Где? Десять верст, почитай, Как ни спеши, в десять часов не обернешься.

Брыков кивнул головой и улыбнулся.

– Теперь только за вами вольная, – смело сказал Еремей.

– Дурак! Вольная! Как же я дам ее, коли я не хозяин еще? А пока на тебе... – Брыков встал, прошел в соседнюю комнату, щелкнул немецким замком от денежной шкатулки и вернулся в горницу. – Вот пока что золотой тебе! Пропей!

Еремей с небрежным видом взял монету.

– А вольную все – ж заготовили бы, что ли, – повторил он, – чтобы на случай...

– Дурак! Скотина! Или слов не понимаешь? Все тебе будет. Подожди, когда хозяином стану! – закричал Брыков, а затем, оправившись, сказал уже спокойно: – Завтра возьми воз, Федьку прихвати и к Семену Павловичу на фатеру. Все бери, складывай на воз и сюда вези! Коли Сидор что говорить будет – прямо бей. Я квартальному объявлюсь. Конь там у покойника был, Сокол, серый такой, его приведи тоже, а за остальным второй раз. Теперь иди!

Еремей радостно поклонился и вышел. Последнее поручение порадовало его. Сидор, старый дядька Брыкова, был ненавистен Еремею, и он собирался покуражиться над ним.

– Петр! Снаряди мне коня да иди, помоги одеться. Живо!

«Поеду к Машеньке теперь, – подумал он со злой усмешкой. – Как-то она сватовство мое примет? Ха, ха, ха! Братец уехал дела устраивать, домик для молодой жены готовить: ан на место его другой женишок. Славно! Что же, Марья Сергеевна, фамилия та же будет, имения те же; чего кобениться? Сергей Ипполитович даже с полным удовольствием согласен, потому почет, покой...»

Последнюю мысль Брыков выразил уже вслух, и удивленный денщик остановился в дверях и смотрел на него, разинув рот.

– Ну, чего глаза, дурак, пучишь! – закричал на него Брыков. – Давай рейтузы да сапоги. Ах, дубина, дубина... бить тебя каждый день надо! – И он дернул суетившегося денщика за вихор. – Ну, давай краги, давай хлыст, веди коня!

Конечно, приказание было мигом исполнено. Тогда Брыков вышел на крыльцо и, ловко вскочив на лошадь, сказал на прощанье:

– Коли Федька очухается, вместе с Еремеем всыпьте ему двадцать плетей. Да смотри – жарче! А то я и тебя!.. – И, погрозив хлыстом, Брыков медленно выехал за ворота.

Петр закрыл за ним ворота и с ненавистью посмотрел ему вслед.

– Что, али не люб? – насмешливо спросил Еремей.

– Аспид, – сказал Петр, покрутив головой, – кровопивец! Хожу я и дрожмя дрожу, потому он двух до меня насмерть забил!..

– В аккурат, – грубо засмеялся Еремей. – Чего же вы-то в зубы глядите? Ась? Штык при тебе аль нет?

– Что ты, что ты?! – испуганно забормотал Петр. – С нами крестная сила! Какое говоришь!..

– Ха – ха – ха! Испугался!

IV

Братнина невеста

Павел Степанович Брыков, отставной генерал, разбогатевший милостями князя Потемкина, проживал в своей подмосковной усадьбе с молодой женой и шестилетним сыном, когда его брат, Влас Степанович, умер, оставив без всяких средств к жизни восьмилетнего сына Дмитрия. Павел Степанович тотчас взял к себе сиротку – племянника и стал воспитывать его вместе со своим сыном, записав его также, наравне с сыном, сержантом в Нижегородский драгунский полк.

Дети росли и обнаруживали совершенно разные характеры. Насколько Семен, сын Павла Степановича, был добр, ласков, общителен и весел, настолько Дмитрий, его двоюродный брат, являлся нелюдимым, злым и завистливым.

– Ох, испортит он нашего Сенечку! – жаловалась Брыкова, на что муж отвечал ей:

– Что ты! Скорее наш Семен этого волчонка приручит.

– Истинно волчонок.

– Так-то так, – говорил старик, – а возьми и то, что все ему понятно. Живет он вроде как на хлебах. Вырастут они – и Семен богат, и он со своим офицерским жалованьем!

И действительно, Дмитрий рано выучился понимать различие положений, своего и брата, и рано выучился завидовать и ненавидеть.

Так шло до той поры, когда они вступили в полк. Внешнего различия старик для них не делал, но, когда он умер и все перешло к Семену, различие сказалось само собою. Карманные деньги, деньги на жизнь, на одежду, все, что старик давал поровну, пришлось теперь Дмитрию получать из рук двоюродного брата. Это было уже не под силу, и, несмотря на ласковое упрашивание брата, он съехал от него и зажил суровой жизнью бедного офицера, держа в своем сердце злобные мысли о мщении.

Встреча с Федуловой еще сильнее разожгла в нем ненависть к брату. Они увидели ее на одной вечеринке, оба в одно время и оба сразу влюбились в нее. День и ночь, ясное солнце и темная туча, а если к этому прибавить, что Семен был богат, а Дмитрий был нищий, – то уже не останется никаких сомнений относительно шансов того и другого. Ведь даже полюби Марья Федулова Дмитрия, отец не позволил бы ей и думать о нем.

И Дмитрий с завистью и гневом следил за романом своего брата. И когда Семен явился к нему как-то вечером и, бросаясь ему на шею, воскликнул: «Брат! Она любит меня! Мы женимся!» – Дмитрий едва сдержался, чтобы тут же не задушить счастливого любовника.

– И женись на здоровье! – пробурчал он, давая в душе клятву не простить ему этого счастья.

И добиться этого оказалось легко... Теперь он богат, брата нет на его пути, и Маша при старании может быть его!..

При этой мысли у Брыкова даже слегка закружилась голова. Он сдержал коня и поехал тише.

На Малой Дмитровке, окруженный садиком с густыми липами, стоял маленький, ветхий домик Сергея Ипполитовича Федулова, отставного стряпчего из уголовной палаты. Этот домик Федулов получил в приданое за своею покойной женой и теперь жил в нем с семнадцатилетней дочерью Машей, казачком Ермолаем, которому было уже сорок лет, и старой Марфой, вкормившей и вынянчившей Машу. По всей Москве считался он «приказным крючком», и, если случалось какое-либо кляузное дело, всякий обращался к Сергею Ипполитовичу, кланяясь ему полтиною, рублем, а иногда и золотым.

Сухой и черствый старик, своими придирками загнавший в гроб жену, Федулов смотрел на все в жизни с практической точки зрения, даже свою дочь считая ни чем иным, как ходовым товаром, и, когда подвернулся ей такой жених, как Семен Брыков, он был очень доволен, что его расчет так ловко соединился с дочерней любовью.

Маша же была вся в мать: робкая и мечтательная, совершенно чуждая житейских расчетов, она, полюбив Брыкова, даже мгновения не думала о его богатствах.

В этот злополучный вечер Сергей Ипполитович сидел под окошком с трубкой в зубах, Маша же у стола старательно вышивала бисерный кошелек для своего жениха, и они вполголоса вели беседу, вернее, разговаривая каждый с самим собой, нежели с другим, – такой способ мирного собеседования установился у них с давних пор.

– Завтра непременно приехать должен, – сказала Маша, – от царского смотра его Господь уберег, а то бы, может, и нынче здесь был.

– Где молодому человеку хозяйство вести! – воскликнул старик. – Старосты, поди, как его грабят. Я ему вместо управителя буду теперь.

– В мае плохо, говорят, венчаться. Весь век маяться будешь. Вот кабы в конце апреля успеть!..

– Дом этот в наймы отдам, а сам в это самое Брыково и перееду. Ну их к Богу, кляузы эти!..

В это время у палисадника послышался конский топот.

– Никак к нам! – сказал старик.

– Он! – воскликнула Маша и легче серны выскочила из комнаты.

Она сбегала с крыльца и с криком «Сеня» побежала к калитке, где торопливо привязывал своего коня офицер. Но, добежав до калитки, Маша снова вскрикнула не то в испуге, не то в разочаровании.

Дмитрий Брыков злобно усмехнулся, увидев ее смущенное лицо, и, грубо взяв ее руку, сказал с горькой усмешкой.

– Думали – Сеня, ан – Митя!.. Ну, что же!.. Ведь все же Брыков пожаловал.

– Вы от Семена Павловича? – быстро спросила его Маша. – Когда он будет?

– Сам от себя я, – ответил Брыков, – а когда он будет, не знаю. Может, и не будет вовсе! –

И он засмеялся.

– Как не будет? Почему? – тревожно спросила Маша.

– Может, и помер!

Девушка прижала руку к сердцу и тяжело перевела дух.

– Вы – злой! – сказала она ему с укором.

Брыков засмеялся снова, а потом взглянул на нее огненным взглядом и прошептал:

– От вас зависит сделать меня добрым!

Маша ничего ему не ответила, круто отвернулась от него и вошла в комнаты.

– Ты с кем это? – спросил ее старик.

– Дмитрий Власевич! – презрительно ответила она.

Старик с недоумением отнял от губ трубку.

– Чего это он?

В это мгновенье в горницу вошел Дмитрий и, подойдя к старику, сказал:

– По делу, государь мой, по делу.

– Милости просим, – ответил старик, – садитесь. Гость будете. Что братец?

Маша собрала свое вышиванье и вышла из комнаты. Дмитрий посмотрел ей вслед, тихо усмехнулся, потом встал, прикрыл дверь и вернулся на прежнее место. Старик глядел на него с недоумением.

– А дело вот какое, – тихо заговорил Дмитрий, наклоняясь к Федулову, – брат мой, Семен, у себя в имении помер.

Старик откинулся и раскрыл рот.

Дмитрий только кивнул головой и продолжал:

– Да, помер мой брат, и я теперь – всего наследник. Так вот, я хочу быть всего наследником и хочу жениться на вашей дочери, и вы уговорите ее! За то вам особая награда будет!

Старик оправился от неожиданности и уже внимательно слушал Дмитрия.

«Что же, – мелькало в его уме, – не тот, так другой. Денежки те же, покой тот же, а этот еще награду сулит! Что же, не в девках сидеть Машутке!»

– На все воля Божья, – сказал он вздохнув, – а я согласен! Ну, новый зятюшка, поцелуемся! – прибавил он весело, и на его лицо вернулось прежнее спокойствие.

Они поцеловались.

– С чего же это Семен Павлович помер? – спросил старик.

– А не знаю еще! – беспечно ответил Дмитрий. – Горячка, что ли? Только вчера с усадьбы приехал Еремей и доложил мне, а ныне и государю сообщено.

– Ах! – раздался в ту же минуту крик за дверь и что-то грузно упало на пол.

Дмитрий вскочил и бросился к двери, которую с трудом отодвинул. На полу лежала Маша, лишившаяся чувств. Дмитрий легко поднял ее с пола и перенес на диван.

– Подслушивала, – резко сказал он старику. – Позовите слуг, а я поеду. Завтра за ответом буду.

– Ладно, ладно, – растерянно ответил Федулов и стал беспомощно кричать: – Марфушка, Ермолай! Черти!

– Что глотку дерешь? – вбежала старая Марфа, но, увидев бесчувственную Машу, только всплеснула руками и крикнула: – Ахти мне! Чем ты ее, греховодник, до такого довел? А?

– Молчи, молчи, дура – баба! Семен Павлович умер, а она узнала!..

– Жених? Семен Павлович? Ахти мне!

– Да ты что, чертова кочерга, воешь? Ты ее в чувство приводи! – рассердился старик.

– Сейчас, сейчас, – захлопотала старуха. – Я ей перышком покурю! Живо! – и она помчалась в кухню, вернулась с пучком птичьих перьев, зажгла их и напустила такого смрада, что все стали чихать и кашлять.

Маша тоже закашлялась и очнулась.

V

Разгром

Сидор Карпович, бывший дядька Семена Брыкова, а потом его дворецкий или мажордом (как называл он себя), встал ни свет ни заря и занялся порядком. Это значило, что, где ворча, где болтая, он обошел пять господских комнат, вошел в кухню и там остался, не зная в доме места теплее и уютнее.

Сидор Карпович был седой, степенный старик с выправкой старого слуги екатерининского времени. В холщовой рубашке с жабо, в желтом нанковом сюртуке, в чулках и башмаках, он время от времени вынимал из кармана тавлинку и с важной миной набивал табаком свой красный нос, нагло свидетельствующий о единственной слабости старика.

Затем Сидор вышел в прихожую и первым делом ткнул в бок спавшего на конике Павла, казачка и рассыльного, малого шести футов ростом. Тот вскочил как ужаленный и спросонья вытаращил глаза.

– Дрыхнешь! – с укором заговорил Сидор. – Восемь часов, а он дрыхнет! Вставай, ленивец! Вот я ужо...

Павел пришел в себя и обозлился.

– Чего же мне делать-то, вставши? – сказал он. – На вас глядеть, что ли?

– Так! А чистоту блюсти?

– Да чего ее блюсти-то? Барина нет, все прибрано.

– А приедет? Ты гляди, рожа-то у тебя? Опухла ведь вся! Лопнуть хочет! А космы... Поди, поди, умойся, очухайся, а то я тебя как возьму за вихры! – Он погрозился и пошел дальше.

Гостиная с пузатой мебелью красного дерева, с ясно навощенным полом, картинами на стенах и клавирами действительно блестела чистотою. Дальше были рабочая комната и спальня, затем курительная с низкой турецкой мебелью, с целой стойкой трубок, оружием по стенам и, наконец, столовая; все было в таком порядке, что хоть сейчас вводи хозяйку и хвастайся.

Сидор Карпович остановился в прихожей, торжественно понюхал табаку и прошел в кухню, где Степан Лукьянов разводил уже жаркий огонь.

– Наше вам! – приветствовал он дворецкого. – Как почивать изволили?

– Ничего себе. Спасибо, Лукьяныч! – ответил старик, присаживаясь у стола. – Поснедать бы чего малость, а? Червячка заморить! А? – И он подмигнул повару. – В одночасье!

Скоро перед стариком стояли штоф» Ерофеича», тарелка груздей и кусок жирной грудинки. Старик жадно начал выпивать и закусывать, говоря в то же время:

– Не иначе, как нынче должен барин приехать. Ишь, неделя как нету, а обещал в три дня обернуться. Марья-то Сергеевна, поди, стосковалась! Ты, Лукьяныч, нынче изготвь к господскому обеду все по правилу. Беспременно будет.

– Сидор Карпыч! – вдруг раздался испуганный оклик, и в кухню влетел Павел.

Дворецкий поднял на него укоризненный взгляд.

– Ну, чего орешь? – спросил он. – Сидор Карпыч! Сам знаю, что Сидор Карпыч! Чего тебе?

– Еремей приехал! – ответил Павел. – Да с телегою.

– Ну, ну! Барин послал и приехал. Зови его сюда!

– Барин, да не наш, а Митрий Власьев! И Федька с ним.

– Ну, Федька, и пусть Федька. Зови их!

Но в эту минуту без всякого зова в кухню вошел Еремей и остановился перед Сидором, не снимая с головы шапки. Старик сурово взглянул на него.

– Чего шапки то не снимешь? – сказал он. – Ишь, словно в кабаке ввалился. Зачем барин прислал?

– Было бы перед кем шапку ломать, – ответил Еремей, нагло улыбнувшись. – Довольно! Покланялись!

Старый Сидор даже откинулся от такой наглой речи. А Еремей продолжал:

– А барин прислал за тем, чтобы все, что ни есть в доме, на воз уложить и к себе везти, а тебя, старого пса, на веревку взять да к той же телеге привязать! За тем и приехали! А вы живо! Помогать!

Дворецкий ничего не понял из его речи, но в то же время услышал в комнатах какую-то возню и грохот.

– Стой! – сказал он сердито. – Что ты там намолол? Пьян, что ли? Какой барин? Куда везти?

– К нашему барину, – ответил Еремей, – к Дмитрию Власьевичу Брыкову, потому как Семен-то Павлович побывшился...

– Как побывшился? Кто сказал? – закричал старик, вскочив на ноги.

– Хоть бы и я! – усмехнулся Еремей. – А теперь-то уже и всем ведомо. В государевом приказе есть!

Старик схватился за голову, но через минуту очнулся.

– Так его сюда везут?

– Прикажет барин – и привезут, его воля. А теперь имущество давай!

– Имущество? – грозно сказал старик. – Нет такого права. Доколь не увижу своего барина мертвым, чубука не отдам!

– Сами возьмем! – усмехнулся Еремей и двинулся в комнаты.

Старик бросился за ним, вбежал в комнаты и на мгновение замер. Федька и мужик уже успели очистить гостиную и дружно волокли из кабинета красивый будь.

– Разбойники! – закричал Сидор, бросаясь на них. – Пошли прочь! Павлушка, беги за кварталным! Батюшки, грабят: Степан, Антон!

Однако Еремей ухватил его за ворот сильной рукой и, отбросив в сторону, сказал:

– Нишкни, если не хочешь батога узнать! Сказано тебе – барский приказ!

– Да я к кварталному!

– Ну, и что будет тогда? – раздался позади него насмешливый голос, и растерявшийся старик увидел перед собой Дмитрия Брыкова и с ним кварталного.

– Батюшка, – растерянно пробормотал Сидор, – да что же это?

– А то, – сказал Брыков, – что брат помер и я теперь над тобой барин, а потому, если не хочешь на съезжую, то не шуми!

– Да как же волочить-то все? Ведь по суду!

– Я тебе покажу суд! Собака!

Старик всплеснул руками и залился беспомощными слезами, а тем временем Федька, Еремей и мужик тащили мебель, обдирали ковры и все валили на воз.

Брыков ходил по разоренным комнатам с кварталным и говорил ему:

– Ты опишь-то давай! Я тебе все сам скажу, да не мешкай!

– Я, ваше благородие, мигом, – подобострастно сказал кварталный.

– Что же это? Разбой! Как есть разбой! – твердил, всхлипывая, старик Сидор и беспомощно разводил руками.

Еще два раза приезжал пустой воз во двор и уезжал полный доверху. Уже темнело, когда Дмитрий Брыков снова сказал старому Сидору:

– Завтра приходи ко мне, я тебя на усадьбу пошлю. Барина хоронить будут, а там вернешься и мне отчет дашь! А вы, – обратился он к остальным слугам покойного брата, – все завтра ко мне! Соберите пожитки и без проволоочки, чтобы все были налицо!..

Он уехал. Тихие сумерки наполнили воздух, и опустевшие, ободранные комнаты приняли мрачный вид. Слуги покойного Брыкова, угрюмые и унылые, собрались в кухне и говорили вполголоса, в то время как Сидор с тупым видом сидел на табурете и только тяжело вздыхал.

– С чего помер-то? – спросил конюх Антон.

– Говорят, горячка, – сказал Павел и махнул рукой. – Да не все ли равно? Нет нашего барина!

– Теперь беда!.. – сказал Степан. – К этому живодеру в лапы? Смерть!

– Чтобы я к нему? – воскликнул Павел. – Сбегу! Вот – те Христос, сбегу! Федька говорил: вчера его так-то драли! Да он заморит!

– Истинно!

Сидор вдруг встрепенулся и глухо произнес:

– Чтобы я, старый дядька покойника, да пошел служить к этому слетку? Да ни в жизнь! Уеду завтра, поклонюсь праху барина – упокойника, и только меня и видели. Умер, сердешный! Собирался жениться и поженился на сырой земле! Барин ты мой милый! – И старик, упав головою на стол, залился горячими слезами верного слуги по своему господину.

VI

Спасенный от смерти

Немало девиц завидовали Маше Федуловой, когда услышали, что она засватана Семеном Павловичем Брыковым, а сама Маша и верила, и не верила своему необыкновенному счастью. И правда, Семен Брыков всем взял. Высокого роста, широкий в плечах, с круглым, открытым лицом, на котором ласково светились большие серые глаза, он являл собою тип русского красавца. Веселою нрава, с нежной, отзывчивой душой, он одним появлением оживлял общество и заставлял сильнее биться девичьи сердца. И при этом – богач! Если прибавить, что он посватался к Маше с ее согласия, что они искренне любили друг друга, то понятно будет безмерное счастье Маши.

В один ясный весенний вечер она сидела раз со своим женихом в маленьком садике. Оба молчали от переполнявшего их счастья. Синее небо уже темнело, над горизонтом поднималась красная как кровь луна, аромат распускавшейся сирени наполнял воздух, и вдруг, в этот торжественный миг, запел соловей. Маша не выдержала и в слезах приникла к груди жениха. Он обнял ее и тревожно наклонился к ее лицу.

– Что с тобою? О чем ты?

– Я... я так счастлива! – прошептала она и, отодвинувшись от него, задумчиво сказала: – Я сейчас испугалась за свое счастье. Оно слишком велико. Сеня, милый мой, я боюсь несчастья!

Брыков попробовал засмеяться, пошутить, но злое предчувствие сжало и его сердце.

– Слушай же, Маша, – сказал он ей торопливо и торжественно, – я завтра же поеду к себе в Брыково, приведу все дела в порядок, вернусь через три дня, и мы с тобой сейчас же поженимся! Хочешь?

– Милый мой! – смогла только прошептать девушка от избытка счастья.

– А тогда нам уже никто помехой не станет. Выйду в отставку и переедем к себе!

Семен Павлович обнял невесту и стал ласкать ее русую головку, а соловей заливался в кустах, сирень благоухала и поднявшийся месяц обливал все вокруг серебристым, ровным светом.

«Вот счастье, – думал Брыков, тихо возвращаясь к себе домой. – Вот счастье!» – думал он всю дорогу до своего подмосковного имения и, радостный, принялся устраивать в нем свое гнездо.

Староста Никита, старый дворецкий Влас, узнав, что их барин женится, радостно поздравили его и, не мешкая, исполняли его желания; пожилые дворовые ласково улыбались, говоря между собой про новую барыню, а молодые парни да девки вздыхали и за околицей жарче целовали друг друга.

Семен Павлович велел сделать необходимые поправки в доме, указал, как убрать комнаты, когда он придет из Москвы нужную мебель, определил дворовым, кому что делать, и к вечеру собирался уезжать, как вдруг внезапно захворал.

Все удивились его болезни. Был он здоров и весел, пообедал как обычно, а затем пошел в кабинет отдохнуть и велел Еремею принести кваса. В доме все стихло, а спустя час старый Влас услышал стоны в кабинете, вбежал туда, а барин на полу, на ковре, лежит, кричит, корчится и лицо все посинело даже.

– Барин, голубчик, что приключилось? – бросился к нему Влас.

– Отрав! Лекаря! – среди стонов услышал он.

Влас в испуге отбежал к дверям, стал звать слуг, а затем торопливо распоряжаться:

– За лекарем, за знахаркой! Кладите барина на постель! Зовите Лукерьюшку!

Слуги поспешно исполняли приказания Власа, а барин продолжал стонать и корчиться.

В это время в комнату вбежала Лукерья, мельничиха, слывшая за знахарку и служившая повитухой. Она взглянула на барина, всплеснула руками и воскликнула: «Отравлен барин-то! Ахти, беда какая!» – но потом, оправившись, быстро принялась за дело: тотчас потребовала кипятка да молока и стала делать на животе припарки и отпаивать Брыкова молоком.

Тем временем Влас совещался со старостой.

– Упаси Господи, помрет, – говорил он, – экая беда! И откуда отраве взяться? Все так-то его любят.

– Беда! – соглашался староста.

– Теперь беспрременно надо в город к ихнему брату, Дмитрию Власьевичу, посылать. Все же свой человек!

– Беспременно! – согласился староста. В результате Еремея послали в Москву.

– Скачи сломя голову, – наставлял его Влас, – сначала к Митрию Власьевичу, а потом к его невесте! Знаешь ее-то?

– А как же! – ответил Еремей. – Чай, при барине состою все время.

– Так скачи!

Еремей поскакал в твердой уверенности, что барин умрет через какие-нибудь полчаса. Ему уже виделась воля, он представлял себя бойко торгующим купцом и радостно смеялся, загоняя лошадь.

Но Лукерья знала свое дело, сильная натура Семена Павловича выдержала, и к утру после мучительных болей он заснул сравнительно спокойно.

На другой день он подозвал к себе Власа и тихо спросил его:

– Кто мог сделать такое?

– Повели казнить, батюшка, в ум не возьму! – воскликнул Влас, упав на колена. – Все людишки верные, все тебя любят. Кому за этакое взяться!

– Верно, посуда нечистая или недосмотрел, – сказал Брыков и отпустил Власа.

Он и сам не допускал мысли о преднамеренном покушении. Кому он сделал зло? Он перебирал в уме всех своих дворовых людей и не находил ни одного, кому он сделал бы худо.

Два дня пролежал он в постели и наконец поднялся. Страдания отразились на нем, и первое время на него нельзя было без страха взглянуть – так он изменился. Его лицо потемнело и осунулось, глаза ввалились, подбородок оброс короткими, частыми волосами.

– Заложить коней, – приказал он, едва поднявшись с постели.

– Батюшка, барин! – завопил Влас. – Да куда же ты такой поедешь? Краше в гроб кладут!

– Не могу ждать! Сегодня же еду, – сказал снова Брыков. – Вышли подставу и давай лошадей!

Влас не смел ослушаться, и спустя пять часов Семен Павлович мчался на лихой тройке в Москву.

Увидеть ее, Машу, скорее! Он чувствовал себя так, словно воскрес из мертвых. Вот оно, Машино предчувствие. Простой случай – и он чуть не умер, один, без друзей, вдали от нее. А она ждала бы, ждала!..

При этих мыслях он гнал кучера:

– Скорей, Аким! Гони! Не жалея лошадей!

Аким свистел, гикал, махал кнутом, и тройка мчалась так, словно везла императорского фельдъегеря.

Семен Павлович едва дождался, пока сменили подставу, и помчался снова. Его сердце замирало и билось, по мере того как он приближался к Москве. Был уже вечер. Замелькали огоньки убогих домиков на окраинах. Экипаж запрыгал и застучал, попадая кое – где на каменную мостовую.

Наконец Аким осадил лошадей перед домиком, снимаемым Брыковым. Семен Павлович торопливо соскочил на землю и, подбежав к крылечку, стал стучать.

Безмолвие дома поразило его.

«Неужто все пьяны?» – с досадой подумал он, оглядывая пустой двор.

– Чтой-то, барин, – сказал Аким, вводя во двор тройку, – будто все вымерли!

– Не пойму! Сидор такой исправный, и вдруг... В это время за дверями раздался голос

Сидора:

– Кто там! Что надобно!

– Я! – нетерпеливо отозвался Брыков. – Или не узнаешь?

– Кто? Что? – растерянно забормотал голос, и дверь отворилась. Старик Сидор приподнял фонарь, взглянул на Семена Павловича и закричал не своим голосом: – Барин! Милости-вец! Ты жив! Павлушка! Степка! Антон!

Из комнат выскочили слуги и с криком радости стали целовать руки барина.

– Да что это вы? – спросил Семен Павлович.

– Как же! Мы думали, что ты, батюшка, помер.

– Чуть не помер! Ну, давай, старик, умыться, а ты, Степан, изготовь что-либо! Голоден я!

– Батюшка! – плача воскликнул Сидор. – Да у нас ведь нет ничего!

– Как? – Брыков оглянулся и только теперь с изумлением увидел, что квартира его пуста, стены ободраны. – Это что? – грозно крикнул он.

Сидор упал ему в ноги.

– Не виновен я ничуточки! Братец твой обобрал все!..

VII

Странные вещи

Семен Павлович слушал рассказ своего старого дворецкого и возмущался все сильнее и сильнее. Ну, положим, Еремей поторопился известить о смерти, но для чего же так торопиться брату? Что, разве его уйдет от него? Он нахмурился и нервно прошелся по комнате.

– Мне завтра в полк являться, и нет мундира! – сказал он. – Пошли Павлушку. Да нет! Я сам! – И, быстро надев шапку, он вышел из дома.

«Странная такая поспешность! – думалось ему. – Я ли не помогал брату, и вдруг?.. А если я умер бы? Даже сам не поехал, а посылать Сидора. Ну, брат, брат!»

Он постучал в дверь квартиры брата.

Через минуту послышались шаги, и распахнулись двери в темные сени. В тот же миг раздался испуганный возглас Еремея. Он отворил дверь и не поверил своим глазам. Перед ним, ярко освещенный луной, бледный и исхудавший, стоял его умерший барин.

– Свят, свят, свят! С нами крестная сила! – орал Еремей, пятясь вглубь.

Семен Павлович вошел следом за ним, говоря:

– Чего орешь, дурак? Разве не узнал барина?

– Что за крик? Кто тут? – раздался грубый голос Дмитрия, и он, распахнув двери, остановился в своей гостиной, запахиваясь в шелковый халат.

Семен Павлович переступил порог и с горькой усмешкой сказал:

– Это – я, брат! Не ждал?

Дмитрий побледнел и отскочил, словно ужаленный.

– Ты... ты не умер? – растерянно пробормотал он. Семен Павлович с укоризною покачал головой и произнес:

– Как видишь, я словно испытать тебя хотел... Поторопился ты...

Дмитрий с бледным, искаженным лицом опустился на диван и бессильно забормотал:

– Я, собственно... чтобы сберечь... все расхитили бы... обыкновенно... я, я... я ехать хотел! Как же я рад, Семен! – вдруг словно опомнился он и бросился к брату.

Но тот резко отстранил его:

– Оставь, я верю. Я только пришел к тебе за своими вещами. Мне завтра к шефу быть надо, так мундир и прочее. Ты ведь все взял...

– Сейчас, сейчас! – суетливо проговорил Дмитрий и, бросившись в соседнюю комнату, закричал: – Эй! Федька!

– Так ты мне с Еремеем и пришли! Сейчас только! – сказал Семен Павлович.

– Мигом! – покорно согласился Дмитрий.

Семен Павлович ушел; едва он вышел, Дмитрий позвал Еремея и накинулся на него:

– Да ты что же это, собака? А? Нарочно! Обман?

Еремей отодвинулся от его сжатых кулаков и развел руками:

– Я что же? Я все сделал! Во – о сколько выпил. И Влас меня гнал: скажи, говорит, умирает!

– Ах ты, скот, скот! – Дмитрий злобно запахнулся в халат и, опустившись на диван, задумался: – Вот, все теперь придется отдавать назад снова и опять оставаться при драных ступлях... И с Машей Семен обвенчается!

Лицо Брыкова потемнело и исказилось бешенством.

На другой день Семен Павлович, одетый по всей форме, явился к шефу полка полковнику Авдееву. Это был мужчина чуть не семи футов роста, назначенный императором из гатчинских батальонов. Добродушный и веселый дома, он был строгим формалистом на службе.

- Честь имею, – начал Семен Павлович, но Авдеев тотчас перебил его, махнув рукою:
- Нет тебя, поручик! Нет! Выбыл ты из полка нашего!
- Я не подавал господину полковнику прощения, а моя служба...
- Добрая, что говорить, – снова перебил его полковник, – только выбыл ты за смертью.

Так и в приказ прописано.

- А ежели я жив и вернулся?
- Не мое дело! В приказе самого императора так значится... Я... я не смею.
- То есть как? – совершенно растерялся Брыков. – Значит, я умерший? Но я жив!
- Не мое дело!
- Так что же я? Кто?
- Вы? Поручик Брыков, выбывший за смертью из полка. Покойник! – сказал Авдеев и сам в недоумении пожал плечами. – Вот и поди!

– Что же мне делать?

– Не знаю, друг, – со вздохом сказал Авдеев, – а в полк тебя взять не могу. Съезди-ка ты к Архарову. Человек он добрый, авось надоумит!

Семен Павлович вышел от Авдеева совершенно расстроенный.

– Брыков! Семен Павлович! Ты ли это? А мы-то тебя похоронили! – с этими возгласами окружили его товарищи, шедшие из казарм после ученья.

Семен Павлович дружески поздоровался со всеми.

– Идем ко мне! Пунш сделаем! – повторил Ермолин, и все гурьбой пошли к нему на квартиру.

– Братцы, – сказал Семен Павлович, обращаясь к товарищам. – Что со мной сделали? Скажите на милость?

– А что такое? – спросили все.

Брыков рассказал про беседу с шефом и спросил:

- И кто поторопился меня в покойники записать?
- Да братец твой! – ответил белокурый офицер. – Он на твое добро зарился.
- Что же ты теперь делать будешь, а?
- Что? Вот схожу к Ивану Петровичу Архарову. Он, говорят, добрый.

В это время внесли на подносе большую чашу пунша.

– А пока что, – воскликнул Ермолин, – за здоровье покойника! Ха – ха – ха! Пей, Сеня!

– Истинно за здоровье покойника! Ура!

Семен Павлович чокнулся со всеми и выпил, но в его сердце не было веселья. Смутное беспокойство овладело им и не давало вздохнуть свободно.

– Прощайте, господа, – сказал он, – не до питья мне! Завтра с новостями приду!

Его не стали задерживать и дружески простились с ним.

Семен Павлович вышел из казармы, и первая его мысль была о Маше.

«Надо к ней! – подумал он и беспечно решил: – Если не примут на службу, ну, что – ж делать? Я и сам хотел в отставку подавать. Уедем – и все!»

В первый миг, когда Маша обняла Семена Павловича и почувствовала на своей щеке его поцелуй, она чуть не умерла, так сильно было ее волнение. После того как она услышала страшную весть о его смерти, жизнь потеряла для нее смысл, и она собралась в монастырь. Отец топал ногами и грозил ей проклятием, но она повторяла одно:

- Ни за кого, кроме Сени, не выйду!.. Умер он, и жених мой – Христос!
- Насильно выдам! – злобно кричал старик.
- Умру, а ничьей женой не буду! – твердила Маша.

Старик понял, что с ее упорством ничего не поделает, и зорко следил за дочерью, боясь, что она действительно выполнит угрозу.

И вдруг вернулся тот, кого они считали покойником. Старик растерялся, а Маша обезумела от радости.

– Милый, дорогой! – шептала она, не находя других слов. И не отходила от своего жениха, молча целовавшего ее руки.

– Кхе – кхе – кхе, – смущенно смеялся отец – старик, – вот, значит, и за свадебку.

– Нельзя сразу, – ответил Брыков.

– А почему?

– Да вот! – И Семен Павлович рассказал всю неприятную историю, связанную с его мнимой смертью.

Старый приказный покачал головой.

– Гм... гм... – сказал он, – трудное дело, мой батюшка! Тут самая суть, что приказ-то государев? Да? Ну, вот и оно! Кто сей приказ, кроме него, изменить может?

– Не может же быть, чтобы он не признал меня живым! – засмеялся Семен Павлович. – И наш шеф, и я думаем, что генерал – губернатор вступится.

– Милый, – воскликнула Маша, – да не все ли равно? Ну, вышел ты из полка; так уедем к тебе в имение и там мирно жить будем.

Старик насмешливо покачал головой, подумав: «Не будь ты жених моей Маши, я показал бы тебе, чего ты теперь стоишь», – но промолчал. Семен же Павлович только кивнул головой и пожал руку Маше. Они были молоды, любили друг друга, да и кому в эти минуты могла прийти мысль, что живой человек зачислен в мертвецы и нет ему воскресения?

– Завтра я по своим делам отправлюсь и в церковь зайду, – сказал Семен Павлович, прощаясь с Федуловыми.

На другой день он принялся хлопотать, и с этого времени начались его мытарства.

VIII

Мытарства живой души

Император Павел, очень ценя деятельного, расторопного и преданного Архарова, был совершенно спокоен за благоустройство столицы и пожелал иметь такого же человека и в Москве. В разговоре об этом Николай Петрович Архаров очень ловко сумел порекомендовать государю своего брата, Ивана Петровича, жившего в деревне на покое. Император немедленно вызвал последнего в Петербург, произвел в генералы от инфантерии, наградил орденом Анны первой степени, дал тысячу душ крестьян и назначил его в Москву в помощники князю Долгорукому в качестве второго военного губернатора.

По своей должности Иван Петрович был скорее просто обер – полицеймейстером и старался как можно лучше исполнять свои обязанности.

Москвичам он пришелся особенно по душе за свое хлебосольство, радушие и веселый нрав. В доме у него всегда толпилось много народу, и он радовался званому и незваному, стремясь каждого напоить, накормить и всячески обласкать. К нему-то и направился прежде всего Семен Павлович.

Был еще ранний час, но приемная Архарова уже была заполнена людьми всяких рангов и званий. Брыков подошел к стоящему у дверей офицеру и спросил его, как повидать Архарова.

– А никакой хитрости! Он сейчас выйдет, к вам подойдет, вы и скажете.

И действительно, почти тотчас распахнулась внутренняя дверь, и в зал вошел Архаров в сопровождении адъютанта, своего неизменного спутника, пруссака Гессе.

Когда император назначал Архарова, тот оговорился, что совершенно забыл военное дело.

– Ну, я дам тебе знающего! – сказал государь и назначил ему в помощники полковника Гессе.

Тот забрал в свои руки всю военную часть и действительно так повел дело, что собранный им из разных полков батальон навеки стал образцом дисциплины и выправки. Слово «архаровец» сохранилось как нарицательное от того времени.

Затянутый в мундир, сухой и высокий, с бесстрастным лицом, Гессе выступал подле Архарова журавлиным шагом, словно на параде. Сзади, вытянувшись и боясь сделать неосторожное движение, шагал адъютант, и среди них толстый и коротенький Архаров с веселым лицом производил впечатление живого человека среди восковых фигур. Все с улыбкой смотрели на него и развеселились, когда услышали его сипловатый голос:

– А, старушка Божия! По какой нужде?

– Милостивец ты мой, – заголосила старушка, – вызволи! Кварташка совсем жить не дает. Вишь, понравилась ему моя Буренка, так дай ему! Так и цепится.

– Ладно, ладно! Бумага при тебе? Здесь? Ну, отдай ее вот ему! – и обер – полицеймейстер пошел далее.

Собственно, трудных дел или каких-либо кляузных он никогда не решал, предпочитая сдавать их в свою канцелярию, но каждого просителя обнадеживал ласковым словом.

– А у тебя, сударь мой, какая нужда? – спросил он у Брыкова.

– Секретное дело, – ответил он поклонившись, – желал бы с глазу на глаз!

Архаров с любопытством взглянул на него и, увидев на его лице напряженное ожидание, тотчас же согласился.

– Ну, ну, подожди немного! – сказал он и стал обходить других просителей.

Зал мало – помалу пустел. Архаров спросил последнего и ушел во внутренние покои. Брыков в унылом ожидании прислонился к стене, но подошедший к нему вскоре адъютант

попросил его к генералу. Брыков вошел в обширный кабинет. Архаров, расстегнув сюртук, махал руками, чтобы размять затекшее тело.

– А! Ты, сударь! Фу, фу! Ну и умаялся я нынче! Сколько народа этого! Дела! Ну, какой у тебя секрет?

Брыков изложил свое дело и почтительно замолчал. Архаров выслушал, и вдруг его лицо расплылось в улыбке.

– Ха – ха – ха, – засмеялся он, – выморочный, значит! Жив и будто мертв! Вот потеха-то! Как же так Антон Кузьмич ошибся?

– Был введен в заблуждение оговором.

– Так. Ну и что же теперь?

– Я желал бы вступить в службу, – сказал Брыков, – да полковник не принимает.

– Как же это он может?

В это время в беседу вступил Гессе, до того времени молча стоявший у письменного стола.

– Полковник, – сказал он ломаным русским языком, – ничего не может здесь делать. Они умер.

– Брось, – остановил его Архаров, – видишь, что жив.

– И умер! – повторил с ударением Гессе. – Господа офицер исключаются из списков только императорским приказом. Императорски слово – закон. Император подписал умерл – и, значит, умерл! Полковник Авдеев ничего не может делать.

Архаров остановился посреди комнаты и переводил взгляды с Брыкова на своего Гессе и обратно. Когда он смотрел на Брыкова, его лицо выражало сожаление, когда на Гессе – удивление. Наконец он покачал головой, развел руками и воскликнул:

– Вот так штука! А ведь Густав Карлович прав! Царское слово – закон! Что же делать ему? – обратился он к Гессе. – Присоветуй!

– Просить царя, – ответил Гессе. – Ви подавайте просьбу через полковника, и он пусть говорит. Государь будет назад ехать скоро.

– Вот – вот! – обрадовался Архаров, – я тоже скажу, ежели к слову будет. Государь через полтора месяца назад будет, а до тех пор я уж тебе позволю: живи как мертвый!.. – И он засмеялся, отпуская Брыкова.

Семен Павлович пошел к шефу и рассказал про беседу с Архаровым.

– Ну, вот это дело, – решил полковник. – Пишите, а я доложу.

Брыков устал и зашел к Ермолину. На этот раз последний был один, а потому мог внимательно выслушать сообщение приятеля о визите к Архарову.

– Плохо твое дело! – сказал он, пуская клубы дыма из длиннейшего чубука. – И, знаешь, я тебе по дружбе скажу: всю эту штуку тебе Митька подстроил.

– Дмитрий? – с изумлением воскликнул Брыков. – Да ему зачем?

– А наследство?

Брыков вспомнил поведение брата и побледнел. Господи, да неужели он хотел лишить его жизни? Нет, он не такой злодей!

– Вот увидишь еще! – сказал Ермолин. – Ты знаешь, он по болезни в отставку подает?

– Да ну?

– Вот тебе и ну! Уедет к тебе в имение и заживет.

– Да я-то еще жив!

– Жив да не жив!

Семен Павлович вне себя поспешил домой.

А в это время Дмитрий сидел в своей гостиной, уставленной мебелью брата, и, сося мундштук, беседовал с подьячим из гражданской палаты, Дмитрием Авдеевичем Вороновым. Невысокого роста, почти без талии, с лицом, на котором искрились маленькие свиные глазки и

краснел вздернутый нос, Воронов стоял перед хозяином полусогнувшись и подлой улыбкой обнажал гнилые зубы. В Москве он слыл за умную каналью, способную запутать и распутать любой узел. Члены палаты зачастую звали его и спрашивали: «Ну, как тут делать, по – твоему?» – и он помогал им в их решениях, не забывая и себя, и медленно, неуклонно из поповичей пробираясь в служилое дворянство.

– Мне бы только исправником где-нибудь стать! – говорил он с вождленным вздохом.

Теперь Дмитрий Брыков вызвал его к себе на совет, внимательно слушал его вкрадчивую речь, и по мере слов подъячего его лицо прояснялось, и он все веселее и веселее кивал головой.

– Так, по – твоему, выгорит?..

– Беспременно – с! Раз руки нет...

– И теперь шиш?..

– Хи – хи – хи! Обязательно!

– Ну, смотри, чернильная душа! – весело смеялся Брыков. – Вот тебе теперь десять рублей. Выгорит мое дело – еще сто дам, а не выгорит, ну, тоже на орехи получишь!

– Опасаться совсем нечего, – сказал Воронов, торопливо пряча деньги.

– А теперь, значит, хлопочи изо всех сил! Ну, иди!

Воронов низко поклонился Дмитрию и неслышно скользнул за двери, а Брыков радостно потер себе руки и улыбнулся, кому-то подмигивая.

IX

Пришла беда – отворяй ворота

Семен Павлович едва переступил порог своего дома, как кровь забурлила в нем от негодования. Его квартира была так же пуста, как и вчера.

– Что же это такое? – воскликнул он. – Брат обещал сегодня все вернуть! Никого не было? А?

– Какое! – с возмущением ответил старый Сидор. – Я посылал к нему Павлушу, так Дмитрий-то Власович его взашей! Вот! Да еще говорит: «Я вас вот скоро к себе переволоку!»

– Он с ума сошел! – с раздражением произнес Семен Павлович. – Ну, да увидим! – И, надев шляпу, быстро пошел к своему брату.

С каждой минутой раздражение в нем росло. Слова Ермолина словно оправдывались на деле, но он еще не хотел верить в такую бессовестную наглость брата. Он не вошел, а почти вбежал в его комнату и закричал с порога:

– Дмитрий, что же это значит? Как ты смел?

Брыков, что-то писавший у стола, быстро кинул в стол бумаги и вскочил. В первое мгновение он растерялся, но тотчас оправился и надменно произнес:

– Тсс! Что вам надо? Что вы врывается ко мне с криком?

Семен Павлович оторопел.

– Как? – снова закричал он. – Ты в мое отсутствие ограбил меня и еще не знаешь, что я требую? Неужели ты хочешь судиться со мною? Опомнись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.